

Москва
Малый театр

24/авг 89
СЦЕНА

Сов. Культура

24 августа, 1989 г. 5

РАЗМЫШЛЕНИЯ В АНТРАКТЕ

Без бури и натиска

«Я ЧУВСТВУЮ и говорю», как Шиллер. Это — фраза из заключительного монолога Геннадия Демьянова «Несчастливец» — актера-трагика, одного из персонажей пьесы А. Н. Островского «Лес». А protagonista она тем, кто говорит и мыслит, как подъячий, несмотря на дворянское происхождение.

Несчастливец и в театр-то пошел, отказавшись от военной карьеры, потому что тот, по его убеждению, учит благородству. И не самом деле, разве не были высокие чувства всегда свойственными сцене, тем же, например, постановкам Ф. Шиллера?

Нет, я вовсе не предлагаю с целью возвращения театру благородных функций ставить сегодня спектакли исключительно в русле шиллеровской поэтики, хотя и не вижу ничего плохого в том, если бы произведения великого немецкого писателя революционной бури и натиска чаще появлялись бы на нашей сцене. Важно другое. Настраивает, что высокий дух, благородная героичность тема почти полностью исчезли со сцены.

Говорят, что эпоха героев прошла. Что зритель требует от театра зловещевых намеков на власть предрешающих, что ему нужны яркие сценические эффекты и по возможности голая актриса с хорошей фигурой...

Я старый человек. Я пережила времена культуры личности, эпоху застою. От души приветствую театры, дающие политическую и нравственную оценку этим старательным величиям. Но ведь и сегодня — я не могу не видеть, — продолжают угасать нравственные принципы, царят грубость, пошлость, цинизм, лживость, лицемерие. И с большим интересом смотрю постановки пьес В. Розова, А. Вампилова, Л. Петрушевской, где обо всем этом говорится прямо и недвусмысленно.

Меня волнует и то, что нынешним молодым людям не хватает достоинства, подлинной принципиальности, что сплошь и рядом меркантилизм, душевная черствость, эгоизм заслоняют добрые человеческие качества и чувства.

Но разве искусство — и, может быть, в первую очередь театральное — не должно противопоставлять всему этому высокие идеалы, как это было всегда? Уверю, что и в начале века мешанская психология господствовала в обществе. И она, наверное, была бы неуязвима, если бы ей не противостояли своим творчеством Павел Орленев и Мамонт Дельский, Вера Комиссаржевская и Павел Самойлов, братья Роберт и Рафаил Адельгеймы; несли свое искусство по всей России до самых отдаленных и глухих ее уголков. И только лишь тогда в тридцатые годы Александр Остужев

в ролях Отелло и Уриэль Акосты с поразительной силой утверждая высоту духа и нравственный максимализм человека.

Возможно ли такое ныне? Как, например, осуществляется эта миссия Малый театр?

Был старая пьеса «Ростан», «Сирано де Бержерак» Постановка Р. Каплиана. Ю. Соломин играет главного героя. Он сам и его друзья-офицеры честны, благородны. И уже это, сегодня привлекает. Конечно, я не так наивен, чтобы предполагать, что люди выйдут со спектакля духовно совершенными, но ведь они — напоминания о высоком человеческом предначертании, что не так мало.

В этом смысле другие постановки подобных качествами в большинстве своем не обладают. Например, «Доходное место» Островского. В спектакле хорош Р. Филиппов в роли Юсова. Красивый, в нарядном вице мундира, он предстает как подлинный поэт чиновничества, верный кодексу чиновничьей чести, им самим выработанному. А Жадова! Тот маленький чиновник с университетским образованием, который с юности идеями о честности, о служении настоящему делу перепуган штатского генерала, заставив жему, воспитанную в мешанской среде, уважать себя!

Смотрю спектакль, слушаю речи Жадова и все больше убеждаюсь, что ему — такому, каким он предстает на сцене, — не хватает общественного темперамента, и потому все его тирады работают, что называется, холостую, не поражают ни тех, к кому обращены, ни зрителей. Героя порой даже жалко становится — он старается, а нам и дела нет. Что же тогда остается от великой пьесы, один Юсов? Не мало ли?

Недавно по поводу сегодняшнего состояния Малого театра на страницах «Советской культуры» развернулся спор между А. Штейном и А. Скорнякинским. В этом споре мне не показались принципиально важными некоторые пассажи, например, кто из режиссеров большой традиционалист — А. Васильев или В. Иванов? Да и проблема академизма не представляется мне столь загадочной. Академическое учреждение — значит образцовое. В нем решаются или, по крайней мере, должны решаться наиболее существенные проблемы науки и искусства. С этой точки зрения было бы странно, если бы академическое учреждение занималось проблемами уже разработанными,

отказалось от поисков новаторства, чреватого возможными ошибками. Ближе мне то беспокойство, которое высказывается участниками полемики по поводу состояния искусства этого коллектива. На протяжении всей своей истории Малый театр утверждал высокий репертуар. В его труппе всегда были актеры героического, романтического плана, и именно они занимали главенствующее положение. Последним из них был М. И. Царев.

Сейчас, как мне кажется, в труппе нет подобно-го героя (пожалуй, только Кочетков может еще претендовать на то, чтобы занять это амплуа). И при том, что в труппе Малого достаточно перво-классных актрис, нет в ней и героини. А если есть, то как же ей не выступить в «Без вины виноватых», «Бесприданнице», «Орлеанской деве», «Фаусте»? Постановлена «Гроза» — без особого успеха. «Гора от ума» — в спектакле нет не только настоящего Чацкого, но и Софьи, такой, чтобы было понятно, почему в нее влюбился Чацкий, почему Фамусов должен с ней считаться.

Конечно, в репертуаре Малого могут быть пьесы самые разные. Но без героической драмы — впрочем, как и без высокой сатирической комедии — Малый театр не будет самим собой. Сегодня же никому в нем говорить, как Шиллер. Значит, традиция Мочалова, Ермоловой, Горева, Ленского, Южина, Яблочниковой, Царева оказалась прерванной! Как об этом не пожалеть!

Могут воскликнуть: а Гоголева! Да, Е. Н. Гоголева вопреки своему возрасту совершила подвиг, сыграв в «Мамзуре» и «Жопове». Но, согласитесь, один в поле не воин, его должна поддерживать еще не армия, то хотя бы эскадр, а его-то и нет. Речь не только о Малом. Иные горячие головы и вовсе отрицают его мало-маленькое значение в сегодняшней культуре — дескать, какой со старика спрос?

Но вот появилось множество театральные студии. Во многих из них работает молодежь. Однако посмотрите студийные спектакли — и вы убедитесь, что большинство из них утверждает неверие в справедливость, а добро, и искривление чувств, а возможность изменить мир и лучше. Можно понять, откуда это идет. Но разве люди могут существовать без веры в будущее, без понимания того, что, вопреки всем трудностям, надо стремиться к торжеству правды? Нельзя же без бесконеч-

ности уподобляться одной из героинь пьесы Горького «Мещане», утверждающей, что жизнь — большая мутная река. Без веры в человека, в его нравственные идеалы искусство не может обойтись, иначе неминуемо его вырождение. И судьба некоторых новых театров-студий — прямое тому подтверждение.

Из театра человек должен выходить окрыленным, даже если ему была представлена трагедия. Сейчас повсюду ставят Чехова. По-разному, иногда очень интересно. Но в большинстве постановок не хватает веры в человека, в его способность измениться лучше, в то, что хотя бы в самой дальней перспективе небо засверкает алмазином. А ведь, помнится, в 1940 году Вл. И. Немирович-Данченко поставил «Трех сестер» так, что зрители и критики оценили спектакль в первую очередь за то, что он утверждал подлинную интеллигентность, высокие идеалы. Было очевидным, что его герои все преодолеют и оставят на земле след нравственного благодеяния.

Все чаще стали забывать, что театр — праздник, что в нем играют. Что в нем все должно быть прекрасно. Все, даже детали. А между тем, если вам доводилось бывать на премьерах, вы, наверное, обратили внимание, в какой мере выходят на поклонные многие режиссеры, только что не в пижамах. А так — в мятых брюках, нечищенных ботинках, а уж о галстуках и говорить не приходится. В этом есть некоторый вызов: мы, мол, жрецы искусства, что нам до мнения тех, кто собрался в зале. Но коли это так, то и зрители относятся к происходящему на сцене с известным пренебрежением: подумай, искусство!

Конечно, театр должен быть разным. Конечно, он не имеет права уходить от самых острых, самых жгучих проблем времени, от жесточайших конфликтов жизни. И дурное, грубое, пошлое обязательно следует показывать на сцене. Но не ради же утверждения этого, а ради того, чтобы люди поверили, что дурное может быть преодолено, поверили в человека и в его будущее. В то, что человек может совершить героические поступки, достойные шиллеровских героев и даже превосходящие их. Без этого не может быть театра.

Ю. ДМИТРИЕВ,
доктор искусствоведения.